

ГЕРАКЛИДЫ

Перевёл с древнегреческого Вланес

ИОЛАЙ

Давно уже пришёл я к выводу такому:
 достойный человек с рожденья служит людям,
 а то, что ревностный и жадный честолюбец
 не годен городу, несносен в отношеньях
 и ценен лишь себе, я не по слухам знаю.
 Отстаивая честь и родственные узы,
 покинув Аргос мой, где мог я жить спокойно,
 я бремя подвигов один делил с Гераклом,
 пока он был у нас. Теперь герой на небе,
 а я его детей под крыльями своими
 храню, хотя и сам в спасении нуждаюсь!
 Как только их отец покинул эту землю,
 правитель Эврисфей нас всех убить пытался,
 но мы смогли бежать. Остались мы без дома,
 но сохранили жизнь. Бродили мы, блуждали,
 сменяя города, нас гнавшие нещадно,
 поскольку Эврисфей свои поступки злые
 задумал отягчить таким вот преступленьем:
 узнав, где мы живём, он требовал гонцами
 то нашей выдачи, то нового изгнания.
 Притом он заявлял, что Аргос – друг не слабый
 и враг не мизерный, с таким царём успешным.
 И эти граждане, увидев, что я старец,
 а дети без отца, к тому же малолетки,
 склоняли головы и нас выпроваждали!
 При детях изгнанных я сам теперь изгнанник,
 и со страдальцами я сделался страдальцем.
 Как мне покинуть их? Боюсь я, люди скажут:
 «Вы поглядите-ка! Совсем не защищает
 сироток Иолай. Вот вам и родич кровный!»
 Жестоко изгнаны из всех земель элладских,
 пришли мы в Марафон и в край, ему соседний.
 У божьих алтарей мы сели, умоляя
 о помощи. Был слух, что в этих долах правят
 сыны Тесевы и что им выпал жребий,
 родне Пандиона, здесь царствовать обоим.
 А наши мальчики одною с ними крови,
 поэтому мы здесь, вблизи Афин преславных.
 Ведут изгнанников два старых полководца.
 Я мальчиков моих заботой окружаю,
 а внучек маленьких Алкмена обнимает
 внутри святилища. Мы девочек невинных
 стыдимся выставять пред алтарём, в народе.
 Гилл с теми братьями, которые постарше,
 отправился искать какое-нибудь место,

чтоб закрепиться там на случай травли новой.
 Ах, дети, деточки! Сюда! Ко мне! Хватайтесь
 за пеплос мой! Скорей! Глашатай Эврисфея
 опять подходит к нам, опять нас вытесняет
 с последних пажитей, скитальцев измождённых!
 Ах, мерзкий человек! И ты, и твой хозяин!
 Излил так много зла ты этими губами
 и на отца детей, великого героя!

ГЛАШАТАЙ

Ты, вижу, возомнил, что прибыл под защиту
 своих союзников? Да ты совсем рехнулся!
 Никто из горожан поддерживать не станет
 хромую мощь твою к досаде Эврисфея!
 Ступай! Не майся тут! Иди обратно в Аргос,
 где судьи правые тебя побьют камнями!

Иол. И не подумаю! Алтарь – моя защита,
 и мы в свободное явились государство!

Гл. Опять моим рукам ты хочешь дать работу?

Иол. Не схватишь ты меня! Не прикоснёшься к детям!

Гл. Сейчас увидишь сам, что ты пророк бездарный!

Иол. Не будет этого, пока я существую!

Гл. Плевать мне на тебя! У малых есть владелец,
 и я их уведу в пределы Эврисфея!

Иол. Народ исконнейший! Афиныяне! Спасите!
 Нам, ждущим помощи агорского Зевеса,
 грозят насилием, веночки оскверняют!
 Позор для города! И всем богам бесчестье!

ХОР

Эй! Эй! Что там за крик у алтаря святого?
 И о какой беде нам этот крик расскажет?
 Там слабый старик,
 простёртый в пыли! Бедняга, скажи,
 Кто так безжалостно поверг тебя на землю?

Иол. Иноплеменники! Вот этот богохульник
 оттаскивает нас от алтарей Зевеса!

Хор Откуда ты, старик, в четырёхградье прибыл,
 в общину племён?
 Видно, вы вспороли гладь моря веслом,
 покинув крутой эвбейский утёс?

Иол. Нет, милые мои, я не приучен к жизни
 островитянина. Я из Микен приехал.

Хор Какое, старик,
 дал имя тебе микенский народ?

Иол. Вы, может, знаете, что спутником Геракла
 был некто Иолай, не полностью безвестный?

Хор Я слышал о тебе. А это что за дети?
 Кого ты, чужак, за руку ведёшь?
 Ответь нам! Кто они?

- Иол. Вы видите, друзья, Геракловых потомков!
Они у ваших ног! Они всех граждан молят!
- Хор Зачем вы пришли? О чём вы народ
хотите просить?
- Иол. Врагам нас не сдавать, не отрывать от храма,
не оскорблять богов, не посылать нас в Аргос!
- Гл. Но ваши господа не этого желают!
У них над вами власть! И вас теперь поймали!
- Хор Не нужно, чужак,
презирать просящих и грубой рукой
отталкивать их от кровель богов!
Не терпит этого богиня Справедливость!
- Гл. Тогда гоните прочь холопов Эврисфея,
и я не трону вас насильственной рукою!
- Хор Бесчестно людей,
пришедших с мольбой, врагам выдавать!
- Гл. Разумный человек не ищет злоключений,
но благо собственным все мысли занимает.
- <Хор Мы так и делаем! Нам благо справедливость!
- Гл. Я вижу, друзья, вас надо учить,
как сильных уважать!>
- Хор Ты должен был сказать об этом плане дерзком
царю и не спешить в свободном государстве
оттаскивать гостей от алтарей священных!
- Гл. И кто же этот царь и города, и края?
- Хор Властитель Демофонт, сын славного Тесея!
- Гл. Тогда мне нужно с ним вести переговоры,
а не болтать с тобой, впустую распаляясь.
- Хор Смотри-ка, вот и он подходит быстрым шагом!
И брат с ним, Акамант! Хотят узнать, в чём дело!

ДЕМОФОНТ

- Старик, поскольку ты к святилищу Зевеса
быстрее молодых на помощь прибежал,
скажи мне, для чего столпились эти люди?
- Хор Ты видишь, господин, Геракловых детей,
пришедших к алтарю с молельными венками,
а рядом Иолай, друг верный их отца.
- Дем. Понятно. Ну и что? Зачем вы так шумите?
- Хор Вот этот человек напал на старика,
сбил с ног и потащил! В народе крик поднялся,
а я от жалости пролил немало слёз!
- Дем. И пеплос греческий, и плащ на нём добротный,
по виду человек, а по делам – дикарь.
Давай же, говори, не медля ни минуты,
откуда ты пришёл! Где родина твоя?
- Гл. Живу я в Аргосе. Ты спрашивал про это?
А кто меня прислал, не хочешь ли спросить?
Царь Эврисфей прислал, микенский повелитель,

за этими детьми. Намерен я, чужак,
отстаивать закон и речью, и делами!
Я сам аргивянин. Бежавших аргивян
хочу я увести в родную их державу,
где по закону им придётся умереть.
Имеет право мы в своём же государстве
сограждан собственными законами смирять.
Ко многим очагам уже мы приходили,
произносили мы такие же слова,
и не нашлось людей, беды себе желавших,
а эти беглецы сочли тебя глупцом,
вот и пришли сюда. Им некуда податься,
здесь их последний кров. Они хотят узнать,
окажешься ли ты <полнейшим идиотом>.
Да разве можешь ты, такой разумный муж,
один-единственный из всех царей элладских
бездумной жалости бесплатно уступить?
Ты только рассуди. Впустить их в это царство
неужто выгодней, чем нам их передать?
Ты с нашей стороны немало ведь получишь,
и рать аргосская, и абсолютно вся
мощь Эврисфеева твой город возвеличат!
Но если, слушая их стоны и нытьё,
размякнешь ты душой, то дело нам придётся
решать уже копьём. Ведь не считаешь ты,
что мы оставим спор без лязга крепкой стали?
Каков же твой ответ? Как был ты ущемлён,
что хочешь дать войну тиринфским аргивянам?
Каких союзников ты будешь защищать,
убитым воинам готовя погребенье?
Что скажут граждане, когда за старика,
уже стоящего одной ногой в могиле,
за этих вот мальцов ты в омут угодишь?
Ты в лучшем случае питать надежду можешь
на благодарность их. Но что она сейчас?
Да и во цвете лет они с аргивской ратью
многодоспешною не справятся, поверь!
Не тешься попусту. Цвет лет ещё нескоро,
а вдруг мальцы умрут? Прими же мой совет,
своим не жертвуя, ты мне моё пожалуй,
с Микенами дружи. Не надо совершать
любимый промах ваш – отказывать сильнейшим,
чтоб мелочь всякую записывать в друзья!

Хор Как речь нам оценить, как мнение составить,
не зная доводов противной стороны?

Иол. Властитель, мне знаком старинный ваш обычай
сначала выслушать, а после говорить.
Здесь не зажмут мне рот, как делали другие.
Мы с этим чужаком не связаны ничуть,
мы были изгнаны из Аргоса всеобщим

голосованием и дома лишены.
 Законно ли теперь лепить из нас микенцев
 и тем, кто выгнал нас, обратно возвращать?
 Теперь мы странники. Считаешь, вся Эллада
 утрачена для тех, кто Аргос потерял?
 Афины точно нет. Им не указ аргивцы,
 и не отвергнут здесь Геракловых детей!
 Ведь это не Трахин и не ахейский город,
 откуда ты прогнал, презрев любой закон,
 раздувшись, как теперь, и Аргосом бахвалясь,
 детей, молившихся у божьих алтарей!
 Но если ты и тут одержишь верх над правдой,
 то и свободы нет! И больше нет Афин!
 Я знаю тех людей, их сердце, их отвагу!
 Они на смерть пойдут. Их благородный дух
 достоинство и честь превыше жизни ставит!
 Вот речь для города. Довольно и такой.
 Чрезмерная хвала всем людям ненавистна,
 я часто сам бывал хвалою раздражён.
 Тебе же я скажу: спасти детей безвинных
 ты должен, если ты и в самом деле царь!
 Питфей – Пелопов сын, а дочь Питфея – Эфра,
 которой был рождён родитель твой, Тесей.
 Теперь я расскажу, откуда эти дети.
 Отец Гераклу – Зевс, Алкмена – мать ему,
 одной из Пелопид рождённая. Выходит,
 в твоём и в их отце – двоюродная кровь.
 Ты видишь, Демофонт, они тебе родные,
 но я ещё скажу, что ты у них в долгу
 не только родственном! Когда я щитоносцем
 служил у их отца, то с нами царь Тесей
 поплыл за поясом, принёсшим столько смерти.
 <Когда же их отец у Ипполиты взял
 и пояс тот, и жизнь, он отдал Антио́пу>
 в дар вашему отцу, а после спас его
 из тьмы Аидовой, как знает вся Эллада.
 И дети требуют ответных дел твоих:
 не выдавать врагам и против божьей воли
 не гнать от алтарей, приюта не лишать!
 И на тебе пятно, и городу бесславые –
 просителей, родню, скитальцев (стыд и срам!) –
 взгляни на них, взгляни! – увлечь отсюда силой!
 Но я молю тебя твоею бородой!
 Веночком рук моих твой лоб я украшаю!
 Прими, не обижай Геракловых детей!
 Стань им пристанищем, стань родственником, другом,
 и братом, и отцом! Хозяином им стань!
 Всё лучше, чем попасть в аргосские оковы!
 Я слушал, господин, от жалости рыдая!
 Вот вам и знатный род! Как он теперь повержен,

Хор

как сжат в тисках судьбы! Такой отец великий,
а дети терпят зло и маются безвинно!

Дем. Три веских довода на мысль мою влияют,
мешая, Иолай, слова твои отвергнуть.
Алтарь, где вы с детьми нашли теперь укрытье,
Зевесу посвящён, и это довод главный.
Вдобавок мы родня, и я давно уж должен
почтить родителя, приняв участие в детях.
Но мне важней всего себя не опозорить.
Когда позволю я руками чужеземца
алтарь обворовать, мне скажут, что не вольным
я правлю городом, но, Аргоса пугаясь,
молящих предаю! А я скорей повешусь!
Пришёл бы ты, старик, за делом посчастливей!
Но ты ни за себя, ни за детей не бойся,
никто от алтаря вас не оттащит силой!
А ты ступай назад, в свой Аргос! Если хочет
великий Эврисфей устроить суд народный,
то будет суд ему, но только без насилья!

Гл. А если я и прав, и выиграю в споре?

Дем. Какая правда в том, чтоб уводить молящих?

Гл. Позорюсь я, не ты! Тебе-то в чём убыток?

Дем. А в том, что увести просителей позволил!

Гл. Отправь их за рубеж! Мы их возьмём оттуда!

Дем. Ты возомнил, глупец, что ты хитрее бога?

Гл. Вся сволочь, кажется, бежит сюда спасаться!

Дем. Святилища богов – для всех людей защита!

Гл. Микенцы, думаю, с тобой не согласятся.

Дем. Возможно. Ну и что? Кто тут царём поставлен?

Гл. Вредить не стоит нам. Ты разума послушай!

Дем. Да лучше вам вредить, чем божествам небесным!

Гл. Война с аргосцами – не здравая затея.

Дем. Я не хочу войны. Но и детей не выдам.

Гл. А я их уведу! Они мои по праву!

Дем. Смотри же! Ковылять до Аргоса придётся!

Гл. А вот и поглядим, кто тут заковыляет!

Дем. Прочь руки от детей, пока рыдать не начал!

Хор Побойся бога, царь! Не смей посла касаться!

Дем. А как мне быть с послом, который не умнеет?

Хор Эй ты, проваливай! Не тронь его, хозяин!

Гл. Пошёл я. Парой рук не навоюешь много.
Но я ещё приду с меднодоспешной ратью
аргосцев доблестных. Бесчисленное войско,
готовое к войне, сам Эврисфей возглавил!
Стоит он у черты владений Алкафоя
и с нетерпеньем ждёт конца переговоров!
От наглости твоей он вспыхнет, истребляя
тебя, и горожан, и урожай, и землю!
Зачем ещё растить полки аргосцев юных,
как не на казнь тебе и всем, тебе подобным!

Дем. Давай, проваливай! Мне Аргос твой не страшен!
 Просителей моих не уведёшь ты силой,
 пятная честь мою! Я правлю не толпою
 аргосских подданных, но городом свободным!

Хор Нужно всё просчитать до прихода сюда
 аргивянских полков!
 Очень хлёсток Арёс у микенских солдат,
 а теперь он совсем раскалён, разозлён!
 Все послы соблюдают единый закон –
 делать груды событий в два раза крупней!
 Разве этот не скажет своим господам,
 как над ним издевались, как чудом сумел
 неминуемой гибели он избежать?

Иол. Нет дара для детей, который бы сравнился
 с отцом порядочным, по крови благородным,
 и с браком выгодным. Хвалить я не намерен
 прислужника страстей и друга негодяев,
 плодящего сирот своей беспутной жизнью!
 Кровь благородная – защита понадёжней,
 чем низменная кровь. Когда мы оказались
 в пучине топких бед, нашли мы в этом царстве
 друзей и родичей. Из всех племён элладских
 лишь это за детей бестрепетно вступилось!
 Вы руку правую им дайте, дети, дайте!
 А вы идите к ним, приветствие примите!
 Друзей мы, деточки, проверили на деле!
 И если вам дано на родину вернуться,
 в покинутый ваш дом, и славный род отцовский
 <сильнее озарить уже своею славой>,
 то вы запомните, кто друг вам, кто спаситель,
 и никогда сюда с копьём не приходите!
 Не забывайте же, что этот город ближе
 всех прочих городов! Он стоит уваженья,
 отгородивший нас от ярости пеласгов
 и ставший ради нас врагом такой державы!
 Хоть мы пришли сюда, как нищие скитальцы,
 вы нас не выдали, не выгнали из царства!
 Пока я буду жив, и даже после смерти
 тебя, мой милый друг, хвалить я не устану.
 К Тесею подойду, порадую героя
 рассказом о тебе, как ты от верной смерти
 детей Геракла спас и как ты всей Элладе
 бесстрашием своим отца напоминаешь!
 Не только знатен ты, но ты отца не хуже,
 что редкость в наши дни, когда один из тысяч
 найдётся, кто отцу ни в чём не уступает!

Хор Таков наш отчий край! Он борется за правду
 и обездоленных охотно защищает!

Он столько претерпел, своих друзей спасая,
и, вижу, предстоит ещё одно сраженье!

Дем. Прекрасна речь, старик! Я верю, эти дети
достойны всех трудов и нас не позабудут.
Пойду я собирать народную дружину,
выстраивать полки, чтоб армию микенцев
принять как следует. Сначала на границу
разведку я пошлю. Я не люблю сюрпризов,
аргосцы, знаешь ли, довольно быстроноги.
Потом, созвав жрецов, я приготовлю жертву.
Оставьте Зевсов храм и во дворец идите!
Поверь, там есть кому, пока я жертвой занят,
за вами присмотреть. Ступай, старик, в покой!

Иол. Алтарь не брошу я. Мы будем здесь молиться
о том, чтоб городу сопутствовало счастье!
Когда ты победишь в твоей нелёгкой битве,
мы во дворец придём. Я знаю, наши боги
аргосским божествам ни в чём не уступают.
Там Зевсова жена, блистательная Гера,
а здесь Афина, царь! Скажу я, что удача
повсюду следует за лучшими богами,
Паллада же вовек не стерпит поражения!

Хор Хоть и весьма чванишься ты,
людям ты безразличен,
аргивянин приезжий!
Нас бахвальством твоим не испугать!
От Афин великих,
выступающих в дивном танце,
несчастье да отдалится!
Безумен и ты, и царь твой,
Сфенелід аргосский!

В город придя, мощью своей
Аргосу не уступивший,
на просителей божьих,
на скитальцев, гостей нашей земли,
ты напал, пришелец!
И царям ты не подчинился,
и не говорил ты правды!
Сочтётся ли это благом
у людей разумных?

Мне же мирные дни приятны.
Скажу я тебе, глупец:
напав на этот город,
не возьмёшь ты того, что хочешь!
Не ты лишь принёс копье
и щит ивовый, меднокрытый!
Не надо, любитель брани,

копьем приводить в смятение
наш город благожеланный!
Обуздай же ярость!

- Иол. Мой сын, ты помрачнел. Глаза твои тревожны.
Принёс ты новости об армии злодейской?
Она идёт? Пришла? Что ты о ней услышал?
Речей глашатая не истолкуешь ложно.
Воитель вражеский, удачей окрылённый,
конечно, тешится немалыми мечтами
о взятии Афин! Однако Зевс-каратель
низвергнет помыслы, исполненные спеси!
- Дем. Аргосцы здесь уже. Отряды Эврисфея.
Я видел сам его. Кто хочет быть хорошим
военачальником, тот на врага не смотрит
глазами ратников, отправленных в разведку.
Но царь свои войска ещё не вывел в поле.
На каменной гряде сидит он, размышляя
(насколько я могу об этом догадаться),
как лучше подвести сюда свою пехоту
и безопасное найти ей укрепление.
Но к обороне я неплохо подготовлен,
все люди при мечях, у алтарей священных
стоят животные, готовые к закланью,
и рвением жрецов приносит город жертвы.
Певцов оракульных собрал я воедино,
всё в свитках прочитал и тайных, и открытых,
все древние стихи, хранящие наш город.
Во многих частностях пророчества разнятся,
но сходятся в одном настойчивом совете:
я должен девушку, дочь знатного семейства,
в закланье принести для дочери Деметры,
чтоб отразить врага и защитить наш город!
Я вам хочу помочь, ты это понимаешь,
но я ни дочь свою закалывать не стану,
ни горожан своих обязывать к тому же.
Да разве мы найдём такого идиота,
который бы убил своих детей любимых?
Теперь ты в городе густые толпы видишь,
а там одни твердят, что будет справедливо
помочь просителям, другие обвиняют
меня в безумии. Послушавшись пророков,
я дома у себя побоище устрою!
Давай обсудим всё и вместе поразмыслим,
как можно защитить и вас, и эту землю,
не уронив меня в глазах моих сограждан.
У нас не деспотизм, не варварское царство,
тут благоденствует лишь праведный властитель.
- Хор Но разве городу, горящему желаньем
спасти своих гостей, противоречат боги?

Иол. Сыночек, мы теперь подобны мореходам,
избегшим дикого остервененья бури,
которых с берега опять уносят в море
безумные ветра, и прямо в ад швыряют!
Вот так и мы с детьми покинем эту землю,
побыв на берегу и помечтав о жизни!
Надежда горькая! Зачем сиять страдальцу,
когда не хочешь ты исполнить обещанье?
Весьма простительно, что он детей сограждан
не станет убивать, и я ему за это
могу воздать хвалу. Хоть и желают боги
так поступить со мной, тебе я благодарен.
Ах, дети-деточки! Куда идти? Что делать?
Алтарь каких богов увешивать венками?
В какой ещё стране вымаливать защиту?
Всё с нами кончено! Нас выдадут, родные!
Я смерти не боюсь, я только не хотел бы
порадовать врагов моей кончиной жалкой!
За вас мне горестно! О вас я плачу, дети!
О вашей бабушке, Алкмене престарелой!
Ты на своём веку так много знала горя!
А сколько я страдал! И всё напрасно было!
Судьба, судьба велит, чтоб от руки враждебной
мы гибель приняли постыдно и бесславно!
Ты помоги мне, царь! Не вся ушла надежда!
Я выручу детей! Меня, меня ты выдай
аргосцам вместо них! Ты не рискуй собою,
пускай лишь я один спасу детей несчастных!
Мне жизнь не дорога, и бог с ней, с этой жизнью!
Конечно, Эврисфей меня схватить захочет,
чтоб над Геракловым собратом наглумиться!
Он мразь, не человек! Мудрец, молись, чтоб выпал
тебе смыслённый враг, а не дикарь безумный!

Хор Старик, не порицай, не обвиняй наш город!
Упрёк несправедлив, но всё равно нам горько
в предателях гостей внезапно оказаться!

Дем. Достойные слова, но это не поможет.
Не за тобой пришёл вооружённый недруг.
И что за выгода, скажи мне, Эврисфею
от смерти старика? Он детских трупов хочет!
Губительны врагам потомки знатной крови,
во цвете юности позор отцовской смерти
не позабывшие. Царь должен всё предвидеть.
Но если знаешь ты другой какой-то выход,
скажи мне про него. Совсем я растерялся.
Оракулы богов меня ошеломили.

МАКАРИЯ

Друзья, не думайте, что движет мною дерзость,
я попросить хочу лишь об одной услуге,

ведь красят женщину молчание, и скромность,
и пребывание в стенах родного дома.
Я вышла, Иолай, на звук твоих рыданий.
Хоть не считаюсь я в семье у нас главнейшей,
на роль я подхожу. Благополучье братьев
и собственная жизнь меня весьма заботят.
Хотела бы я знать, какая к прежним бедам
прибавилась печаль, и чем ты так расстроен.

Иол. Дитя, не в первый раз ты затмеваешь прочих
детей Геракловых, и я хвалю твой разум.
Уже мы думали, что вышли на дорогу,
но вынуждены вновь блуждать по чёрной чаше.
Певцы оракулов, нам сказано, желают
не тёлку, не бычка для дочери Деметры,
но только девушку, и благородной крови,
лишь так спасёмся мы и уцелеет город!
Мы в полном тупике. Царь жертвой не назначит
ни собственных детей и ни детей сограждан.
И мне он говорит не ясно, но намёком,
что если выхода мы сами не отыщем,
придётся нам искать убежища другого,
поскольку он сберечь свою страну желает.

Мак. Нам лишь пророчество закрыло путь к спасенью?
Иол. Да, лишь пророчество. Всё прочее в порядке.
Мак. Тогда ты не страшись вражды аргосских копий.
Готова я, старик, сама и без приказа,
собой пожертвовать и выйти на закланье.
О чём тут говорить, когда считает город,
что стоит наша жизнь опасности великой,
а мы лишь на других труды перелагаем,
спасенье можем дать, но избегаем смерти?
Не надо этого! Смешно ведь, право слово,
молиться и стенать, у храмов божьих сидя,
и, будучи детьми такого человека,
казаться трусами! Где в этом кровь, где знатность?
А лучше ли, скажи – да сохранят нас боги! –
и город погубить, и в плен к врагам попасться,
и обесчещенной наследницей героя
погибнуть всё равно и пасть во мрак Аидов?
А, может, заново отправиться в изгнание
и со стыда сгорать, когда нам кто-то скажет:
«Вы для чего пришли с молельными ветвями,
жизнелюбители? Ступайте прочь отсюда!
Не помогают здесь негодникам и трусам!»
Ты вот представь себе: погибли эти люди,
а я жива. И что? Питать ли мне надежду,
которой многие друзей своих прельстили,
что кто-нибудь меня, без родины, без дома,
решит назвать женой, детей иметь со мною?
Не лучше ль умереть, чем жалким прозябаньем

- так обесцениться? Пускай идёт на это
 другая девушка, а мне мешает знатность!
 Берите же меня, на смерть меня ведите,
 венок на голову, срезайте первый локон!
 А после – бить врагов! Я жизнь мою охотно,
 без принуждения передаю вам в руки
 за братьев и сестёр, за собственную душу!
 Не относя себя к трусливым жизнелюбцам,
 нашла я лучший путь – покинуть жизнь во славе!
- Хор Ах, боже! Что сказать той девушке достойной,
 за братьев и сестёр желающей погибнуть?
 Кто благороднее способен изъясниться,
 а после закрепить свои слова поступком?
- Иол. Дитя, ты рождена не от простого мужа!
 Ты – дочь Гераклова! Блистающее семя
 божественной души! Тебя не стыдно слушать,
 но о твоей судьбе я сокрушаюсь горько!
 Есть выход из беды гораздо справедливей,
 сестёр мы позовём и вместе кинем жребий,
 кто вытянет его, тот смерть за нас и примет,
 а так, без жребия... Да разве это честно?
- Мак. По принуждению я умирать не стану,
 какая в этом честь? Не спорь, старик! Но если
 вы соглашаетесь, но если вы хотите
 мой жаркий дар принять, то я по доброй воле
 вам жизнь мою отдам, сама и без приказа.
- Иол. Ох!
 Какая, право, речь! Ещё прекрасней первой,
 уже прекраснейшей! Ты, дочка, затмеваешь
 и подвиг подвигом, и слово новым словом!
 Я не велю тебе, но и не запрещаю
 погибнуть за родных, спасая их от смерти.
- Мак. Ты мудро говоришь. И ты не бойся скверны
 убийства моего. Я гибну добровольно.
 Иди за мной, старик! Хочу я, умирая,
 лечь на руки тебе. А ты мой труп накроешь.
 Я ныне ухожу навстречу страшной смерти –
 достойная судьба для дочери героя!
- Иол. Я не смогу стоять и видеть, как ты гибнешь!
- Мак. Тогда проси царя, чтоб в окруженьи женщин,
 а не в мужской толпе дышать я перестала.
- Дем. Да, бедная моя. И мне бесчестье будет,
 когда приличного не дам тебе обряда.
 Есть множество причин исполнить эту просьбу:
 и мужество твоё, и праведность поступка.
 Ещё я не встречал таких отважных женщин.
 Ты на прощание и старику, и братьям
 последние слова не хочешь ли промолвить?
- Мак. Прощай, старик, прощай! Учи детей любимых
 такими быть, как ты! Воспитывай в них мудрость,

и хватит этого. Им большего не нужно.
 Все силы приложи, спасая их от смерти.
 Мы дети ведь твои, мы возвращены тобою.
 Смотри, я отдаю цвет женственности брачной
 за братьев и сестёр, за них я умираю!
 Вы, дети милые, собравшиеся рядом,
 живите счастливо, и пусть вам будет благо,
 у сердца моего отобранное смертью!
 Любите старика и ту старушку в храме,
 Алкесту, мать отца! Всех граждан уважайте.
 И если боги вам даруют мир душевный
 и возвращение в отчизну, не забудьте
 достойно погresti спасительницу вашу,
 по справедливости! Ведь я не отвернулась,
 но поддержала вас и за родных погибла!
 И юность, и детей мне кладезь этих мыслей
 заменит, если есть хоть что-то под землёю!
 Пускай бы не было, ведь если даже в смерти
 у нас, покойников, заботы остаются,
 то где спасение? От горя этой жизни
 лишь смерть считается испытанным лекарством.

Иол. Ты, доблестью своей затмившая всех женщин,
 не сомневайся в том, что мы тебя прославим
 за прожитую жизнь, за подвиг твой бессмертный!
 Прощай! Я не дерзну богиню, дочь Деметры,
 берущую тебя, затронуть хлётким словом.
 Всё, дети! Я погиб! Я растворился в скорби!
 Держите же меня, на камень усадите,
 на голову мою накиньте пеплос, дети!
 Не рад я ничему, и, если лжёт оракул,
 то мы не выживем! Всё задрожит и рухнет,
 а нам достаточно и пережитых бедствий!

Хор Знаешь, никто не блажен и никто не подвержен страданиям
 волей не божьей.
 Так не бывает, что все благоденствуют
 в доме одном, но за бедствием бедствие
 нас настигает,
 властных людей повергая в ничтожество,
 нищих бродяг вознося к процветанию.
 Не убежать от судьбы, не отбиться от рока рассудком,
 как ни трудись, человек, все старанья твои бесполезны!

Но ты не падай, мой друг, и не стой, небеса проклиная
 в муке сердечной!
 Видишь, как девушка жертвою доблестной
 братьев и город спасла от гибели!
 Нет, не бесславной
 память о ней среди смертных останется!
 Крепнет в трудах добродетель, творящая

подвиг, достойный отца и всего знаменитого рода!
Если героев ты чтишь, я с тобою их гибель восславлю!

СЛУГА

Эй, дети! Здравствуйте! А старый Иолай
и ваша бабушка куда ушли из храма?
Иол. Я здесь, но что с того? Какая польза в том?
Сл. Чего же ты лежишь? Зачем уткнулся в землю?
Иол. Трагедия в семье. И вот я выжат, стёрт.
Сл. Давай, вставай уже! И голову повыше!
Иол. Совсем я старым стал. Нет силы никакой.
Сл. Но я несу тебе неслыханную радость!
Иол. А кто ты? Я тебя совсем не узнаю.
Сл. Слуга я крепостной. Служу я Гиллу. Помнишь?
Иол. Ах, друг любезнейший! Ты нас пришёл спасти?
Сл. И более того! Вам радостная новость!
Иол. Мать сына храброго! Алкмена, выходи!
Послушаешь и ты приятнейшие речи!
Ты долго мучилась и маялась душой,
и возвращения ушедших ожидала!

АЛКМЕНА

Скажи мне, Иолай, а почему весь храм
наполнен криками? Опять пришёл глашатай
нас в Аргос уводить? Пусть мало сил во мне,
но должен ты понять, жестокий чужеземец,
покуда я жива, детей ты не возмёшь,
в противном случае пусть матерью героя
считают не меня! Ты только тронь детей,
и с парой стариков начнётся бой позорный!
Иол. Спокойно, старая! Не бойся, не посол
аргосский к нам пришёл с враждебными словами!
Ал. Зачем же тут звучал глашатай страха – крик?
Иол. Чтоб ты услышала и вышла к нам из храма.
Ал. Я что-то не пойму. Кто этот человек?
Иол. Посланец. Говорит, что внук твой возвратился!
Ал. Да будешь ты здоров за этакую весть!
Но где же мальчик мой? Какие злоключенья
препятствуют ему прийти сюда с тобой
и жаркой радостью моё наполнить сердце?
Сл. Он строит армию, готовясь выйти в бой.
Ал. Подобный разговор не для пугливых женщин.
Иол. Постой, не уходи! Нам нужно всё узнать!
Сл. О чём же ты ещё спросить меня желаешь?
Иол. Хочу представить я размер союзных войск.
Сл. Значительный размер. Точнее не отвечу.
Иол. Но ведают о том афинские вожди?
Сл. Конечно, и стоят на левом фланге нашем.
Иол. А разве армия готова наступать?
Сл. Уже приведены животные для жертвы.

- Иол. Как далеко от нас аргивские войска?
 Сл. Мы видим их вождя уже довольно ясно.
 Иол. И что он делает? Выравнивает строй?
 Сл. Я думаю, что да. Нам издали не слышно.
 Но мне уже пора. Негоже оставлять
 при наступлении зазор в господском войске!
- Иол. И я пойду с тобой! Я вижу, что у нас
 одно желание – помочь родным и близким!
 Сл. Я глупости такой никак не ожидал!
 Иол. Какой? Что за друзей готов я насмерть биться?
 Сл. Ты силу юных лет утратил, старина!
 Иол. Зато мои враги числом не стали меньше!
 Сл. На чашу наших войск ты малый бросишь груз!
 Иол. Но взгляда моего не выдержат злодеи!
 Сл. Взгляд – это не рука, им плоти не пронзишь!
 Иол. Так, значит? И щита пробить я не сумею?
 Сл. Быть может, и пробьёшь, но будешь сам убит!
 Иол. Не сдерживай меня, когда я в бой бросаюсь!
 Сл. Да, ты бросаешься – не телом, но мечтой!
 Иол. Что хочешь говори! Я слушать не останусь!
 Сл. Какой же воин ты, когда доспехов нет?
 Иол. Доспехи в храме есть, военная добыча!
 Я их возьму себе! Жив буду – возвращу,
 а если пропаду, бог с мёртвого не взыщет.
 А ты ступай вовнутрь и там сними с гвоздей
 доспехи для меня! Давай, беги скорее!
 Позор негодникам, сидящим за дверьми
 в припадке трусости, пока другие бьются!
- Хор Не сломилась отвага под бременем лет,
 в дряхлом теле цветёт молодая душа!
 Но зачем это всё? Ты себе навредишь!
 Неужели поможешь ты нашей стране?
 Ты подумай о возрасте! Сдайся, старик!
 Не стремись к невозможному! Как ни храбрись,
 юных лет не вернёшь, не надейся!
- Ал. Ты что же делаешь? Совсем ты спятил, старый?
 Решил меня одну с толпой детей оставить?
- Иол. Сражение для мужчин, а ты о внуках думай!
 Ал. А если ты умрёшь, как я избегну смерти?
 Иол. Присмотрят за тобой оставшиеся внуки!
 Ал. А если, не дай бог, и эти не спасутся?
 Иол. Тут есть у нас друзья. Не предадут, не бойся!
 Ал. Лишь этим я держусь! Мне больше нет опоры!
 Иол. Но Зевсу ведомо, как тяжело ты страдаешь!
 Ал. Ах, да!
 Я Зевса не кляню. Ему и так известно,
 как он заботливо со мною обращался!

- Сл. Смотри-ка, старина! Вот все твои доспехи!
Не помешало бы надеть их поскорее!
Бой начинается! Арес терпеть не может
медлительных бойцов! Но если вес металла
велик, иди как есть! В строю себя украсишь!
Я сам всё понесу! Доставлю в лучшем виде!
- Иол. Прекрасные слова! Неси за мной доспехи,
мой драгоценный друг! Вложи копьё мне в руку!
Ну всё, веди меня! Держи под левый локоть!
- Сл. Веду я воина, как малого ребёнка!
- Иол. А если я споткнусь? Нам скверная примета!
- Сл. Такому духу бы и тело молодое!
- Иол. Идём же! Стыд и срам опаздывать на битву!
- Сл. Ты медлишь, а не я! Ты быстрый только в мыслях!
- Иол. Мой друг, не видишь ли, как ловко я шагаю?
- Сл. Мечтаешь ты шагать, вот это я и вижу!
- Иол. Другое запоёшь, когда я в сечу брошусь...
- Сл. За новым подвигом? Ну что же, боги в помощь!
- Иол. Я вражий щит пробью единственным ударом!
- Сл. Ну да, когда придём! Боюсь, не в этой жизни!
- Иол. Ох!
Стань мне союзницей, рука моя, как в годы
цветущей юности! Тогда, с Гераклом рядом,
спартанскую страну ты пламенем спалила!
Как этот Эврисфей бежал бы с поля битвы!
Он, заячья душа, не выдержит удара!
Богатство плохо тем, что часто надевает
обличье доблести. Для нас благополучный,
богатый человек уже мудрец великий!
- Хор Ширь Земли! Блеск Луны всеночной!
Свет, людям дарованный
от пречистого бога!
Весточку вы донесите!
Молю, к небу воскликните,
к тронам Зевса-царя
и сероглазой Афины!
Собираюсь я ради дома,
ради милой родины,
для защиты молящих
светлым лезвием разрубить опасность!
- Страшно мне, что Микенский город,
богатый, расхваленный
за военную доблесть,
гнев затаил на отчизну!
Но плохо, родина, если мы
странников предадим
по приказанью аргосцев!
Мой союзник – сам Зевс великий,

не боюсь нисколько я!
 Зевс окажет мне помощь!
 Боги милостью не уступят смертным!

Но, владычица, здесь твой город
 и земля! Нам ты мать родная,
 защитница и оплот!
 В другую землю направь злодея,
 к нам с копыеносным аргосским войском
 беззаконно пришедшего! Мы ведь чисты!
 Несправедливо лишать нас дома!

Много жертв для тебя готово,
 и, когда истекает месяц,
 мы помним и чтим тебя
 и юной песней, и хороводом!
 А на холме, под порывом ветра,
 крики радости льются всю ночь напролёт
 под топот девушек босоногих!

ВЕСТНИК

Тебе я, госпожа, известие несу
 наикратчайшее, но полное отрады!
 Мы победители! Уже готов трофей,
 доспехами врага увешанный обильно!

Ал. Любимейший мой друг! Сегодня дивный день!
 Он волю дал тебе за это извещение!
 Ты бремя лишь одно с меня ещё не снял,
 я так боюсь за тех, кому желаю жизни!

Вест. Все живы, госпожа! И славят их войска!
 Ал. А как наш Иолай? Старик-то цел остался?
 Вест. Он жив, и заслужил почтение богов!
 Ал. За что такая честь? Он разве храбро бился?
 Вест. Он старость ветхую на юность обменял!
 Ал. Чудно ты говоришь. Но расскажи сначала
 про наших мальчиков, про достижения их!

Вест. Недолгие слова раскроют всё, что было.
 Когда мы вывели тяжёлые войска
 и вытянулись в ряд, лицом к лицу с врагами,
 то с колесницы Гилл спустился четверной
 и между армий встал, и речь сказал такую:
 «Аргивской рати вождь! Зачем же подвергать
 уничтожению и наше государство,
 <и армию твою? Зачем терять бойцов
 и делать недругом великие Афины?»
 Единственная смерть не причинит вреда
 микенской стороне. Иди со мной сражаться!
 И если я паду, то уводи домой
 Геракловых детей, а если ты погибнешь,
 пусть мне вернут и дом, и почести отца!

Бойцы одобрили тот мужественный вызов,
 мечтая все труды скорее завершить,
 но царь не уступил их общему желанью,
 он трусоватым был, хоть и водил войска,
 и не отважился вступить в единоборство.
 Поверить не могу, что этот жалкий червь
 приполз поработать самих детей Геракла!
 Гилл постоял ещё, потом вернулся в строй,
 а прорицатели, поняв, что невозможно
 предотвратить войну сближеньем двух щитов,
 без промедления из шеи человеческой
 пустили алую, дымящуюся кровь.
 Задвигались бойцы. Взошли на колесницы.
 Другие, на земле, сомкнули щит к щиту.
 Афинский царь сказал и кратко, и прекрасно:
 «Сограждане мои! Свершим достойный труд,
 спасём кормилицу, родную нашу землю!»
 А вождь противника молил своих бойцов
 не запятнать стыдом ни Аргос, ни Микены.
 Когда же вскрикнула тирренская труба
 и армии сошлись для беспощадной сечи,
 представь, какой был шум от сбившихся щитов,
 от криков, смешанных с разлитым всюду стоном!
 Сперва под натиском аргивского копья
 назад мы подались, но вновь пошли в атаку,
 потом сомкнулись мы, почти ступня к ступне,
 лицом к лицу с врагом, и забурлила битва!
 Погибли многие. Везде был слышен крик:
 «Афинские бойцы! Вы, сеятели пашен
 аргосских! На врага! Не посрамим наш край!»
 В кулак все силы сжав, напрягшись непомерно,
 мы обратили вспять потоки аргивян.
 Старик же Иолай, когда увидел Гилла,
 покинувшего строй, то руку протянул
 и умолял его дать место в колеснице,
 а тот пустил его, и, вожжи подхватив,
 выравниваться стал с конями Эврисфея.
 Я видел это сам. Теперь – слова других.
 Когда Палленский холм и статный храм Афины
 проехал Эврисфей, то наш старик молить
 стал Зевса с Гебою, чтоб до захода солнца
 быть снова молодым и отомстить врагам.
 Готовься же узнать о бесподобном чуде!
 Над конной упряжью восстали две звезды
 и тёмной пеленой накрыли колесницу!
 Считают мудрецы, что это был твой сын
 и Геба! Тут старик из непроглядной тучи
 внезапно показал обличье юных рук!
 Наш славный Иолай четвёрку Эврисфея
 у скал Скироновых сумел остановить,

- потом врага связал и, как трофеей отборный,
ведёт его сюда, великого вождя
и баловня судьбы! Теперь своим примером
он людям преподал доходчивый урок:
нельзя завидовать ни одному счастливцу,
пока тот не умрёт! Нет в мире вечных благ!
- Хор О, Зевс! Гроза врагов! Отныне день, свободный
от страха чёрного, я лицезреть могу!
- Ал. О, Зевс! К моей беде ты медленно склонялся,
но я признательна за действия твои!
Про сына моего не верила я раньше,
что он среди богов, но как созрела я!
Ах, дети! Вы теперь свободны от страданий,
свободны от врага! Позор тебе и смерть,
проклятый Эврисфей! А вам отцовский город
увидеть суждено, вступить в свои права
и жертву принести богам отчизны вашей,
отобранной у вас, блуждавших по земле!
Но что за мудрый шаг задуман Иолаем?
Зачем среди живых оставлен Эврисфей?
Ответь! Сдаётся мне, ужасно неразумно
врага сражённого без кары отпускать!
- Вест. Уважил он тебя, чтоб ты сама взглянула
на пленного царя, подвластного тебе!
Тот не желал идти, но должен был смириться
с необходимостью. Он не хотел живым
с тобой увидеться и понести расплату.
Ну, старая, прощай! Надеюсь, помнишь ты,
как обещала мне, когда пришёл я с вестью,
меня освободить. Должны в таких вещах
нелживо говорить уста высокородных.
- Хор Приятен танец мне, когда свирели
мелодией нежат сердце,
дарит радость и Афродита,
но как же отрадно видеть,
как на друзей нисходит
счастье из ниоткуда!
Всё – дело Судьбы
всесовершающей
и Жизни, дщери Века.
- Ты встал на справедливый путь, мой город!
Смотри же, с него не сбейся!
Чти богов! Кто твердит иное,
тот гонит свой ум к безумью
и с очевидным спорит!
Нам возвещает ясно
желанье своё
бог, укрощающий
надменного злодея!

На небеса твой сын вознёсся,
 старуха! Я отрицаю,
 что в мрачный Аид спустился
 герой, страшным пламенем
 спалив молодое тело!
 Теперь возлежит он с Гебой
 в своих золотых покоех!
 Ты, Гименей, прославил
 обоих потомков Зевса!

Связаны все события в мире.
 По слухам, сама Афина
 отцу их давала помощь,
 детей же избавили
 народ и страна богини!
 Она гордеца сдержала,
 маравшего правду гневом.
 Пусть ни душой, ни мыслью
 не буду я ненасытным!

- Сл. Ты видишь, госпожа, кто шествует за нами!
 Скажу я всё равно. Вот Эврисфей великий!
 Тебе нежданный дар, ему нежданный жребий,
 и не гадавшему тебе попасться в руки,
 когда он из Микен с многострадальным войском
 поход свой начинал и над судьбой кичился,
 неся Афинам смерть! Но вышло всё иначе,
 всё бог переиграл, всё бросил вверх ногами!
 Теперь готовят Гилл со славным Иолаем
 кумир из дерева победному Зевесу,
 меня же с пленником они к тебе послали,
 желая радостью твоё наполнить сердце!
 Нет счастья большего, чем видеть горе вражье!
- Ал. Попался, негодяй? Ну что, пришла расплата?
 Взгляни-ка на меня! Найди в себе отвагу
 смотреть в лицо врагам, стоящим пред тобою!
 Ты раньше властвовал, а ныне сам подвластен!
 Хочу я знать, подлец, как ты считал пристойным
 на сына моего, где б ни был он сегодня,
 труды нагромождать и отправлять героя
 то гидр, то львов душить? Как ты посмел, паршивец?
 Не буду говорить о всех твоих затеях,
 иначе речь моя затянется надолго.
 Какой ты подлостью ещё не погнушался?
 Ты сына моего в Аид послал! Живого!
 Но даже этого тебе казалось мало,
 и ты меня с детьми гонял по всей Элладе,
 ты всех нас вынуждал, просителей несчастных,
 младенцев, стариков, сидеть пред алтарями!
 Но ты нашёл мужей, нашёл свободный город,
 не знавших робости! Ты стоишь тяжкой смерти,

но выгадал и тут, поскольку не однажды,
но много раз, подлец, ты должен быть раздавлен!

Сл. Ты, тем не менее, убить его не можешь.
Ал. Выходит, мы его напрасно изловили!
Скажи, какой закон теперь ему поможет?

Сл. Правители страны на это не согласны.
Ал. Как это? Смерть врагов тут благом не считают?
Сл. Не тех, кого живьем на поле боя взяли.
Ал. И подчинился Гилл решению такому?
Сл. Неужто правильной закон страны нарушить?
Ал. Но враг не должен жить! Не должен видеть солнце!
Сл. Твой враг во всем неправ! И даже в том, что выжил!
Ал. Не поздно ли теперь устроить правосудье?
Сл. Никто тут убивать не станет человека.
Ал. А разве я никто? Сама его зарежу!
Сл. И этим действием себя ты опозоришь!
Ал. Кто будет возражать, что я люблю Афины?
Но зверя подлого, попавшего мне в руки,
никто на всей земле от смерти не избавит!
Пусть люди говорят, что я дерзка не в меру,
что лезу я в дела, не годные для женщин,
я всё же сделаю задуманное мною!

Хор Такая ненависть поистине ужасна,
но и простительна. Я, женщина, с тобою!

ЭВРИСФЕЙ

Послушай, женщина! Тебе должно быть ясно,
что ни заискивать, ни плакать я не стану,
вымаливая жизнь, а с нею имя труса!
Я неумышленно затеял нашу ссору,
тебе ведь прихожусь двоюродным я братом,
и сыну твоему, Гераклу, я сородич.
Желал я или нет – меня вела богиня,
и занедужил я произволением Геры.
Когда же враждовать с твоим я начал сыном
и занял жизнь мою тяжёлым состязаньем,
измыслил я себе немало горьких бедствий,
когда раздумывал, вдвоём с глубокой ночью,
как недругов моих разбить и уничтожить,
чтоб жизнь не провести в сожительстве со страхом,
И сына твоего всегда считал я, знаешь,
не мелкой сошкой, но истинным героем!
Он стоит всех похвал, хоть мы и враждовали.
Ты мне ответь сама: когда он вас покинул,
не стоило ли мне, прекрасно сознавая
вражду его детей, употребить все силы,
чтоб их поубивать, поизгонять хотя бы?
Я в безопасности тогда бы оказался!
Ты мной себя представь. Ты разве бы не стала
все беды насылать на злобное потомство
разгневанного льва? Дала бы ты им волю
остаться в Аргосе? Да кто тебе поверит!

Поскольку вышло так, что не погиб я в битве,
хоть и желал того, по эллинским законам
убийцу моего я скверной запятнаю.
А город правильно меня в живых оставил,
он движим не враждой, но почитаньем бога!
Ну вот, сказала ты, а я тебе ответил.
Считай меня теперь и жертвой, и героем.
Такие вот дела. Я не желаю смерти,
но и не буду ныть, с душою разлучаясь.

Хор Я маленький совет, Алкмена, предлагаю.
Врага ты отпусти, как предлагает город!

Ал. А если враг умрёт, а город будет счастлив?
Хор То был бы лучший ход. Но как такое сделать?
Ал. Охотно расскажу. Врага я уничтожу,
а труп отдам семье, для похорон пришедшей.
Так не нарушу я священные обряды,
злодей же, умерев, расплатится со мною.

Эв. Давай! Рази меня! Я не прошу пощады!
Однако городу, за уваженье к жизни,
оракул я дарю, глас Локсия старинный,
растущий в ценности сверх ваших ожиданий.
Где велено судьбой, меня похороните,
перед святилищем Палленской вашей девы.
Я буду под землёй, почивший чужеземец,
защитник города, к вам вечно благосклонный,
но враг свирепейший Геракловым потомкам,
когда они сюда, забыв про милость вашу,
придут с обильем войск. Таких друзей пригрели
вы на груди своей! Но, будущее зная,
зачем же я пришёл, презрев оракул божий?
Я думал, Гера-мать сильнее всех пророков
и не предаст меня... Не нужно возлияний,
не нужно, чтобы кровь текла в мою могилу!
Врагам я оплачу путём домой преслёзным,
но выгодой двойной вас одарю за гробом,
вам польза от меня, а этим – вред великий!

Ал. Чего вы медлите? И вам, и детям вашим
теперь вы можете защиту обеспечить,
убив негодника! Вы разве не слыхали?
Он сам вам указал к тому вернейший способ!
Как всякий супостат, он смертью лишь полезен!
Схватить его, рабы! И выбросить собакам
поганый труп его! Ты выжить не надейся,
чтоб снова гнать меня из города родного!

Хор Я согласен. Идите же, слуги!
Наш поступок
не затронет царей оскверненьем!